Игорь Мерцалов

ГРЯДУЩИЕ БОГИ

Книга 2

Возвышение Алайи

Игорь Мерцалов

Грядущие боги. Книга 2: Возвышение Алайи

«Автор»
2023

Мерцалов И. В.

Грядущие боги. Книга 2: Возвышение Алайи / И. В. Мерцалов — «Автор», 2023

В Ликею пришла война. Столкновение государственных и шкурных интересов, сословные и религиозные конфликты раздирают страну. Исход битвы решается не только на полях сражений, но и в душах людей: всё зависит от их способности принять меняющуюся реальность.А через кровавый хаос идут двое, вставших по ту сторону добра и зла. Алайя и Хорса возвращаются из запретного Филатра провозвестниками новой эпохи, сокрушителями старых богов и разрушителями старой морали. Их воля способна влиять на ход истории.Но действительно ли человеческое в Хорсе проиграло сверхчеловеческому?

© Мерцалов И. В., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Часть вторая. Возвышение Алайи 5
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Игорь Мерцалов Грядущие боги. Книга 2: Возвышение Алайи

Часть вторая. Возвышение Алайи

Ты спрашиваешь почему? Я не принадлежу к тем, кого можно спросить обо всех их «почему».

Ницше. Так говорил Заратустра. О поэтах.

Битва под Мигартой

День был жарким, и воздух в Мигенском лесу потяжелел. Из низин, прорезанных ручьями, поднималась духота. Колонна двигалась медленно.

Лот-Хартус снял шлем и вытер лицо. Что за проклятое место? Ветер с горных вершин увязал в древесных кронах, в низину не проникало ни дуновения.

Он пришпорил усталого коня. Скорее бы проехать эти Мигены…

Скорее? Нет, он пытался себя обмануть, а на самом деле никакого стремления вперёд у него не было. Век бы не видать той Мигарты!

Лот-Хартусу было всего девять, когда Искиромак покорил Ликею, и десять – когда отец привёз его и всю семью в завоёванный город. Он слушал рассказы о покорении и мечтал когда-нибудь затмить славу отца.

Повзрослев и купив титул колесничего, он только и ждал, когда начнётся следующая война. Однако Искиромак медлил. Ему было важно учредить престол, хотя бы даже зависимый от Гипареи, и приходилось считаться с интересами родины, которой была нужна торговля с Колхидором.

Лот-Хартус не терял времени даром, всеми силами стараясь показать, что ничуть не уступает отцу. Искиромак оценил его – но вместо того, чтобы произвести в стратеги, отправил в Геманд. Это было почётно, ведь перевал всегда охранялся отборными войсками, но там не приходилось надеяться на военную славу!

Однажды у Искиромака отказало сердце. Держава осиротела. На престол взошёл совсем юный Эттерин. Вскоре началась война. Лот-Хартус сидел в Геманде, терзаясь завистью ко всем, кто шёл покорять Тирт.

Правда, результаты похода помогли излечиться от зависти. Однако было ясно, что Второй поход неизбежен, и подготовлен будет лучше. Лот-Хартус подал прошение о переводе. Отказ пришёл за подписью Нисия.

Именно этот старик через два года возглавил Второй поход. Тирт был покорён. Зависть вернулась. Лот-Хартус снова попросился из Геманда, не сомневаясь, что впереди более крупная война с другими колхидорскими царствами, но ему снова отказали – на этот раз лично царь.

Потом пошли слухи, что победа над Тиртом оказалась не так уж полезна, и мечтать о покорении юга, имея такое беспокойное хозяйство, не приходилось. Лот-Хартус отказался от мысли послать третье прошение. В конце концов, Геманд – не только почётное, но и весьма прибыльное место. А сам он не становился моложе.

И вдруг начали поговаривать о том, что Гипарея крайне недовольна тем, как правят её сыны в Ликее. «А вот это было бы интересно!» – подумал Лот-Хартус и стал ждать северной войны. Защищать Геманд – это же просто мечта! И слава обеспечена, и опасности никакой. Крепость на перевале совершенно неприступна, и Лот-Хартус, даже при том, что вырос на

рассказах о её штурме, никак не мог по-настоящему взять в толк, как это удалось поколению отцов.

Казалось, что всё вот-вот сбудется – как вдруг его оторвали от Геманда и бросили с ничтожными силами в какую-то всеми богами забытую Мигарту! Лот-Хартусу хотелось выть от досады…

Впереди показался один из разведчиков. Рядом с ним, пошатываясь, шёл навстречу колонне какой-то человек. Вид его был страшен: грязный, оборванный, истощённый, он казался ожившим мертвецом, которому пришлось долго и с великим трудом выкарабкиваться из могилы.

Лот-Хартус сделал знак помощнику, чтобы остался во главе колонны, а сам пустил лошадь вскачь и вскоре поравнялся с разведчиком и незнакомцем.

– Кто таков? Откуда? – строго спросил он.

Незнакомец вытер рот, размазывая по щекам намокшую пыль. Наверное, разведчик недавно дал ему напиться.

– Я копьеносец Эриной, лохарг шестого копья городской стражи Ликен. Могу я узнать, где нахожусь?

– Достаточно далеко от Ликен, чтобы твои слова не вызвали доверия. В обоз его, – распорядился Лот-Хартус, подумав. – Накормить, приставить стражу, глаз не спускать.

Вечером он допросит оборванца, а сейчас не стоит тратить время. Этот «копьеносец» либо друг, либо враг. В первом случае он поспешил бы всё рассказать, будь у него важные сведения, а во втором – всё равно наврёт.

Дождавшись подхода колонны, колесничий распорядился усилить дозоры. Мера это, впрочем, оказалась излишней – ни малейшего признака врага в округе не было. Ну да ничего, осторожность лишней не бывает.

Вечером оборванца привели к нему в палатку. Сытый и отдохнувший, он даже в своём рванье тотчас преисполнился истинно гипарейской важности.

– Итак, ты назвался именем ликенского копьеносца? Попробуй теперь убедить мня, что не лжёшь.

– Клянусь, господин колесничий, я расскажу всю правду, только позволь сначала узнать, правда ли то, что говорят в обозе? Я имею в виду – насчёт войны?

– Правда, – кивнул Лот-Хартус.

Мысленно он выбранил себя. Следовало отдать приказ, чтобы оборванца держали под строгим надзором – это значило бы, что даже рядом с ним говорить о чём-либо вслух запрещено. Если это вражеский лазутчик, он мог из болтовни обозников узнать очень многое.

Оборванец между тем встал по стойке смирно и провозгласил:

– Пусть же Солнце Благословенное дарует победу нашему славному государю Эттерину!

– Уверен, так и будет, – кивнул Лот-Хартус. – А теперь, будь добр, не злоупотребляй моим долготерпением и поведай, как лохарг городской стражи мог очутиться так далеко от Ликен?

– Я преследовал тиртских шпионов.

– Вот как? Рассказывай подробнее.

– Слушаюсь, господин колесничий. Должен сказать, поначалу всё выглядело безобидно: обычное дело, хотя и запутанное, как всё, что касается жизни городского дна. Вопрос шёл о нарушении общественного спокойствия, о занятиях магией, возможно, об убийстве, но потом в деле проступили черты богохульства и… даже оскорбления царского величия. К сожалению, мне не удалось найти верных доказательств означенных преступлений, и вот, желая разобраться во всём досконально, я вместе с двумя помощниками и несколькими сознательными гражданами покинул город. Мы рассчитывали отыскать подозреваемых, сбежавших от взора правосудия, и вернуть в город для подробного разбирательства. Однако поход оказался долгим. След преступников привёл нас в Мигенскую долину, и тут начали открываться новые

обстоятельства. Похоже, что мигенские охотники, или, по крайней мере, двое из них состояли на службе у тиртян. Мы нашли в их домах золото и послания, в которых говорилось обо всех делах, происходящих в Пар-Ликее. В одном из посланий, вероятно, уже подготовленном для передачи в Тирт, шла речь о состоянии гипарейского войска.

Незнакомец замолчал, явно пытаясь угадать, какое впечатление производит его рассказ на колесничего.

– Продолжай, – потребовал Лот-Хартус.

Похоже, оборванец не обманывал. Речь выдавала в нём чистопородного ликейского гипарея… Нет, теперь даже про себя надо говорить – чистопородного ликеянина!

Итак, он действительно из Ликен, и действительно очень похож на копьеносца. Ради чего он мог явиться в Мигены, как не ради расследования?

Правда, Лот-Хартус никогда ещё не слышал, чтобы столичные стражники проявляли такое рвение на службе. Однако речь шла о шпионаже – да, чтобы раскрыть такое дело, копьеносец мог и потрудиться!

К сожалению, он опоздал, теперь эти сведения не имеют большой цены. Ещё месяцем ранее свидетельства усиления разведки колхидорцев и тиртских мятежников заставили бы высших лохаргов расшевелиться и подготовиться к войне. А теперь уже не так важно, кто и какие собирал сведения. Тем более, все доказательства копьеносец пустил псу под хвост.

– Я никогда не верил в силу колдовства, но теперь готов поверить во что угодно! Эти негодяи заманили нас в ловушку и перебили всех моих спутников. Я спасся чудом – меня просто не было на стоянке, когда произошло нападение. Враги забрали и тиртское золото, и свитки. Мне пришлось идти пешком – и, должен сознаться, я заблудился…

– Сколько времени ты один?

– Уже пять дней. Или шесть. Я так измучился, что сбился со счёта.

– Значит, эти негодяи теперь далеко?

– Даже не представляю, где именно. Ведь я горожанин, в Мигенах никогда не был и совершенно потерялся. Можно ли мне теперь узнать, где я нахожусь?

– Можно. Мы в двух днях пути от Мигарты. И, если честно, не представляю, как ты мог этого не понять. С любого холма отлично виден Ордон, видны и пики Западного кряжа. Чтобы не суметь выйти из Миген, нужно вовсе не знать, что представляет из себя Ликея.

– Наверное… Но, господин колесничий, я гипарей и только десять лет назад покидал город, когда участвовал в Первом Тиртском походе…

– Либо ты колхидорец, шпион, который заблудился в нашей стране лишь потому, что никогда прежде не жил под сенью великого Ордона.

– Господин колесничий, неужели ты мне не веришь? Но ведь…

– И который, – продолжал Лот-Хартус, – даже не знает, что волею славного нашего государя Эттерина отныне нет среди его граждан никаких гипареев, и все мы, находящиеся в его власти, отныне именуемся просто ликеянами – без каких бы то ни было различий по чистоте крови.

– Что? Прости, господин, я, должно быть, ослышался…

– Уведите его, – приказал Лот-Хартус охранникам, – и распорядитесь держать под строгим надзором. Я решу его судьбу после.

Оборванный копьеносец ещё пытался что-то сказать, но солдаты подхватили его под локти и уволокли.

– Что скажешь? – обратился Лот-Хартус к своему секретарю.

Тот отложил пергамент с записью допроса и сказал:

– Сдаётся мне, он говорит правду. Колхидорский шпион никогда бы не потерялся, ведь не могли же его отпустить в Ликею, даже не показав карты! Только идиот из городской стражи способен не сообразить, куда идти, видя великий Ордон.

– Осторожнее со словами, друг мой, – улыбнулся Лот-Хартус. – Если всё так, получается, что ты оскорбляешь достоинство копьеносца!

– Он сам – оскорбление самому себе, – парировал секретарь.

Это был худощавый и проворный парень лет чуть за двадцать, ещё пару лет назад бывший безродным бродягой, не помнящим (или, вернее, скрывающим) своё имя и отзывающимся на прозвище Шило. Даже благодаря связям колесничего его не сразу удалось внести в списки граждан и принять на военную службу солдатом. Где-нибудь в Пар-Ликее это удалось бы провернуть без труда, но на перевале Геманд строго следили за чистотой рядов.

Зато этот Шило знал все колхидорские и северные наречия и отлично считал, даже не владея грамотой. Светлая голова его хранила всё, что он когда-либо видел или слышал. Принятый Лот-Хартусом на чёрную работу, которую исполнял, не требуя взамен ничего, кроме еды и крова, он жадно набросился на науку, и вскоре выучил как северное, так и южное письмо.

Лот-Хартус приблизил его к себе и вскоре удивлялся, как прежде обходился без такого помощника. Поистине, среди гипареев подобного уже не найти – видно, все, кто чего-нибудь стоил, погибли во время завоевания Ликеи…

Тут колесничий мысленно напомнил себе: не скажи этого вслух! Никаких гипареев по эту сторону гор – так велел царь Эттерин, желающий видеть свой народ единым.

Итак, среди ликеян нетрудно сыскать идиотов любого разбора, а светлые головы, как у Шила, давно перевелись…

– Кроме того, он явный ликеянин, – прибавил Эвхи.

Выправив ему гражданство, Лот-Хартус придумал для Шила пышное имя Эвхилион, однако юноша откликался на него не слишком охотно, и вскоре все вокруг стали звать его просто Эвхи, что вполне его устраивало.

– Насчёт расследования он, по-моему, врёт, скорее всего, обделывал какие-то свои делишки за городом, а колхидорских шпионов придумал, когда услышал про войну. Однако он точно не враг.

Лот-Хартус кивнул, а про себя подумал, что идиотов в Ликее на одного больше, чем он считал ещё недавно. Сам он купился на рассказ о шпионах.

– Однако проверить стоит, – продолжал Эвхи. – У нас многие сражались в Первом Тиртском, если кто-то его припомнит, значит, всё в порядке. Мне заняться этим, господин?

– Лучше поручи кому-нибудь, а сам вместе со мной посиди над картой.

***

Лот-Хартус молился, чтобы отряд благополучно прибыл в Мигарту – молился Солнцу Благословенному и, на всякий случай, ордонским богам. Почему нет, если все они теперь ликеяне?

Однако боги не пожелали услышать его молитв. Через два дня разъезды столкнулись с неприятелем. Вскоре разведка доложила, что Мигарта взята в осаду. Четыре тысячи тименианин и две – манфалитов подошли ещё вчера и попытались взять город с налёту, но были отбиты. Встретившиеся разведчикам крестьяне с ужасом рассказывали, что колхидорцы разорили окрестные селения, согнали скот, пленили многих жителей – и теперь несчастные сами разбирают собственные дома, чтобы сколачивать из них осадные лестницы и тяжёлые деревянные щиты для пехоты.

Кто именно возглавлял осаду, установить пока не удалось – разведчики сообщили, что в центре лагеря стоят два одинаково высоких шатра, и стяги обоих государств реют на равной высоте.

Что мог сделать Лот-Хартус со своей полутысячей?

Эвхи замер над картой, сидя на одной из повозок подтянувшегося обоза.

– Некогда думать, – решил Лот-Хартус. – Нужно отступить. После того, как их разведчики не вернулись, враги уже ищут нас и вот-вот нагрянут.

Он сказал это не очень громко, чтобы другие не подумали, будто он уже отдаёт приказание.

– Прости, господин, – возразил Эвхи, не отрываясь от карты. – Они не нагрянут. Мы на конях, местность достаточно ровная, так что южане не отправят против нас пехоту, а кавалерии у них столько же, сколько у нас.

– Зато это опытные конники… – начал было говорить Лот-Хартус. но замолчал, поняв уже, что сказал глупость.

– И эти конники нужны южанам для разведки, они не станут рисковать. Для того, чтобы быть уверенными в победе, колхидорцы должны отправить против нас не меньше полутора тысяч пеших бойцов и всех конников, чтобы обложить нас и бросить на копья сомкнутого строя. Отводить такие силы от Мигарты неблагоразумно, ведь её защищают не только ополченцы, но и лохос регулярной армии. Лохарг не упустит случая сделать вылазку, и кто ещё знает, какими потерями для южан она обернётся. Кроме того…

– Достаточно, – прервал колесничий секретаря.

Лот-Хартусу нравилось слушать его, но сейчас он чувствовал себя так, будто это он был мальчишкой, а Эвхи – стратегом, достойным командовать Гемандской крепостью.

В самом деле, зачем южане вообще станут нападать на конный отряд, когда достаточно принять меры по защите лагеря и постараться поскорее взять Мигарту, после чего гемандский отряд уже не будет иметь ни малейшего значения? Южане пошлют весть своим армиям, через Мигены двинется на столицу крупное войско, остановить которое пять сотен всадников не смогут нипочём.

– Вопрос в том, чего колхидорцы ждут от нас? – размышлял Эвхи вслух. – Мы можем либо напасть, пока лагерь не укреплён с тыла, либо попытаться проскочить в осаждённый город. Это возможно, если только разведчики не ошиблись, и вражеское войско обложило Мигарту только с севера и востока. Итак, южане должны учитывать обе возможности. Кто же у них главный? Полагаю, тименианин, раз при нём вдвое больше солдат…

– Но стяги подняты на одну высоту, – напомнил колесничий.

– Я бы не рассчитывал на глупость южан, вряд ли они доверили захват города сразу двум командирам, – покачал головой Эвхи. И вдруг поднял глаза от карты. – Господин, могу я попросить тебя ещё раз вызвать тех разведчиков? Нужно уточнить, с какой стороны стоят тимениане, а с какой – манфалиты.

– Ты, кажется, что-то придумал, мой юный друг?

– Кажется, да… Позволь мне всё обдумать, потом я открою тебе свои мысли, и ты решишь, пошла ли мне впрок твоя наука.

Лот-Хартус улыбнулся. За эту лесть он готов был простить секретарю менторский тон…

***

Весь день конные разведчики южан кружили вокруг гемандского отряда, но усиленные разъезды не позволяли им приблизиться. То и дело между дозорами вспыхивали горячие стычки, но дальше этого дело не заходило.

К вечеру Лот-Хартус укрыл своих людей в лощине, примерно в дюжине стадиев от осаждённого города. Уже сгущалась тьма, и колхидорцы, если и собирались предпринять что-то против него, не рискнули нападать в темноте.

План был поистине безумным, и колесничий обмирал в душе, не до конца веря, что поддался на уговоры своего секретаря. Однако в голосе его не было и тени сомнения, когда он объяснял задачу лохаргам.

– Это наша единственная надежда! – говорил он. – Любое промедление ухудшит ситуацию, а если Мигарта падёт, то и нас можно будет считать мертвецами. Главное же – врагу откроется обходной путь на Ликены. Мы не можем этого допустить, а значит, должны действовать быстро и дерзко.

Недаром всё же в гарнизон Геманда отбирали лучших воинов. Они встретили приказ с радостью!

Эвхи выезжал с одним из дозоров и сам осмотрел неприятельский лагерь. Лот-Хартус потом сделал вид, что внимательно выслушал его доклад и учёл полученные сведения перед тем, как объяснить лохаргам задачи.

Приготовления заняли не больше часа. Гемандцы спешились, развели костры и вычернили пеплом лица и клинки. К седлу каждой лошади был привязан шест, на обоих концах которого закреплялось по факелу – так, чтобы огонь не ранил животных. В темноте отряд покинул ложбину. С лошадьми остались две дюжины лучших всадников – двигаясь по краям табуна, они должны были не позволить лошадям рассеяться.

Колхидорцы усилили охрану тылов, но, конечно, не успели создать сплошной укреплённой линии, только выставили группы повозок, чтобы разбить атакующий строй, если ликеяне рискнут напасть. В это, впрочем, никто из южан не верил, так что в целом к защите они отнеслись довольно безалаберно.

Луна убывала, и в сумраке ночи, когда гемандцы зажгли факелы, южане решили, что разведка ошиблась, и на них надвигаются, по меньшей мере, тысяча конников.

Лошади были направлены на тименианский лагерь, а солдаты Лот-Хартуса в это время, снимая часовых, вышли к стоянке манфалитов.

Испуганные лошади мчались на врагов, те стреляли из луков, но стрелы не причиняли вреда животным, прошивая пустоту над их гривами. Табун ворвался в расположение войска. Начался переполох. Те, кто уже разглядел обман, не могли докричаться до товарищей, которые в глубине лагеря пытались занять боевые порядки. Часть манфалитов уже спешила на выручку.

А другая часть внезапно подверглась нападению призраков. Гемандцы, с чёрными лицами, в чёрных плащах, появлялись словно ниоткуда и разили направо и налево. В считанные минуты лагерь был взят, а манфалийские стратеги пленены.

Эриной рубился вместе со всеми. Он пошёл в бой без особого желания, но выхода не было: отказаться значило подписать себе смертный приговор. Он, правда, догадывался, что его личность кто-то подтвердил, однако колесничий не счёл нужным сообщать ему об этом. Копьеносцу просто сказали, что подозрения против него сняты, дали одежду, оружие и поставили в первое копьё рядовым – до тех пор, пока он не сможет присоединиться к основной армии и занять там соответствующий пост.

Поначалу Эриной всерьёз обдумывал, как бы половчее скрыться. Он был уверен, что затея обречена на провал. Однако возможности всё не представлялось: вокруг было слишком много гемандцев, и на него всё время поглядывали с усмешкой: ну, мол, каков ты, городской страж, покажи, что умеешь!

Осталась последняя надежда притвориться убитым во время боя. Однако нападение прошло столь успешно, что Эриной и сам не заметил, как его захватила стихия резни. Он колол и рубил, крича от восторга, ему казалось, что он уже в одиночку уничтожил не меньше половины врагов.

Потом наступило короткое затишье, а с ним пришло просветление. Гемандцы перебили не больше тысячи южан, и впятеро большее число их вот-вот нападёт из соседнего лагеря. Что же теперь, почему колесничий не подумал, что делать дальше?

– Эй, стражник, быстро в строй! – крикнули ему.

Эриной понял, что никакого затишья не было. Это только он остановился, и сразу в голову полезли трусливые мысли, а гемандцы уже строились, чтобы продолжать атаку. Они что, с ума посходили?

Однако возможность спрятаться, затаиться среди трупов уже была потеряна, и пришлось копьеносцу занимать указанное место среди рядовых.

– Вперёд!

«Вперёд, так вперёд, деваться некуда, но уж теперь я точно ускользну от вас…»

А между тем городские ворота вдруг распахнулись, выплёскивая поток вооружённых людей.

Гарнизон Мигарты был невелик. Всего две сотни человек из регулярной армии, которые обычно маялись от скуки, пили вино в чаду харчевен и мечтали об учениях, а на учениях мечтали вернуться назад, к винным чашам. Ещё была сотня стражников, отвечавших за покой не только города, но и окрестных селений. И – семьсот ополченцев, которые если и были в чём-то хороши, то разве в стрельбе из лука.

Однако угроза вторжения заставила взяться за оружие многих мужчин. Все видели, как безжалостно обошлись колхидорцы с крестьянами, все слишком хорошо понимали, что в бедной Мигарте завоеватели, не найдя добычи, сорвут зло на простых жителях. На стенах готовились стоять, самое меньшее, три тысячи человек.

Командир гарнизона понимал, что сильно рискует. Он тоже был обманут факелами, но всё же видел, что кроме призрачной тысячи всадников атаковать колхидорцев некому. И он так же хорошо понимал, что при грамотном штурме численность защитников города ничего решит. Всего лишь сотня лестниц поможет южанам взять Мигарту за час.

Поэтому он не раздумывая отдал приказ на вылазку. По счастью, никто из защитников, взбудораженных дневным сражением, ещё не спал, все оставались на местах, и вывести их за стены было делом нескольких минут.

В лагере колхидорцев воцарился хаос. Гемандские лошади ещё метались туда-сюда, кое-где от огня факелов загорелись палатки. Уже было ясно, что стоянка манфалитов взята, но никто не мог сказать, сколько врагов и с какой стороны готовы обрушиться на расположение тимениан.

Гемандцы, не медля ни минуты, врезались в толпы южан двумя колоннами. Некоторые из освобождённых крестьян-пленников, подхватив подвернувшее под руку оружие, присоединялись к ним.

К этому времени на поле боя появились и защитники Мигарты. Тименианский стратег был вынужден развернуть часть войск против них.

Здесь колхидорцам удалось выстроить стену щитов, но солдаты держались нестойко. За их спинами гибли товарищи, попавшие, как зерно в жернова, между двумя колоннами гемандцев, спереди накатывали горожане, которые только сегодня впервые в жизни побывали в сражении и, отбив первый пробный натиск южан, поверили в свою непобедимость.

Мало кто из жителей Мигарты был защищён доспехом. Их осыпали стрелами, но в темноте они не видели, какие потери несут, и страх не мог их остановить.

Предводитель регулярного лохоса умело воспользовался горожанами, чтобы подвести своих бойцов к центру вражеской позиции, и они одним ударом взломали стену щитов. Дальше в дело вступили ополченцы, которые принялись почти в упор расстреливать из луков разбегающихся южан.

Битва продолжилась в лагере. Даже на этот момент силы сторон были ещё примерно равны, однако воля к победе изменила тименианскому стратегу.

Стяг над его шатром опустился в знак поражения…

***

Весь следующий день Мигарта пила и пела, славя гений Лот-Хартуса и мужество защитников. Лишь те, кто потерял родных и близких, заходились плачем. И только один человек в городе не плакал и не смеялся, а ходил с мрачным лицом, точно не радовался победе.

Это был Эриной. Его радость кончилась, когда предводитель гемандцев разрушил его мечты переждать войну в Мигарте, напомнив, что, по распоряжению государя, каждому стражнику (уже только бывшему!) назначено место в армии.

– Я направляю в ставку царя гонца с донесением о победе. Ты отправишься в путь вместе с ним, ибо место бывшей городской стражи теперь в стратеме Нисия, который следует за государем Эттерином, – сказал он и прибавил, словно и вправду хотел успокоить: – Но не переживай, это случится только завтра, когда мои разведчики вернутся и подтвердят, что поблизости нет других колхидорцев. Сегодня же – веселись. Ты заслужил эту награду.

Расстроенный Эриной пошёл веселиться. Напился, так и не опьянев, наслушался хвалебных речей (гемандцы, оказывается, преисполнились уважения к тому, как он владеет мечом), потом подыскал себе девку, но и она не принесла ему никакого удовольствия. Возможно, потому, что ему снова вспомнилась Алайя.

Страшно было думать о том, чтобы ехать навстречу войне, но ещё страшнее – о том, от чего он бежал. Пока что Эриною некогда было размышлять о случившемся. Он только отдавал себе отчёт, что совершенно не помнит, как выбрался из теснин Западного кряжа. Несколько дней скитаний по безлюдью едва закрепились в памяти. Но когда он наткнулся на гемандцев, все страхи как-то разом отдалились, он поверил, что вернулся к нормальной жизни. Облегчение было так велико, что даже разговоры солдат о войне не смогли его напугать.

В голове сама собой сложилась история, объясняющая его появление в мигенской глуши. Пожалуй, она была не так уж и хороша, однако выручила его, избавила от подозрений.

Потом хватало тревог из-за близкой битвы, а вот теперь всё вернулось и вспомнилось с ужасающей ясностью.

Ведьма и вправду оказалась не простой целительницей, а сущим исчадием ада, и когда преследователи уже готовы были её схватить, за неё заступился, не иначе, какой-то демон.

Сейчас Эриной уже начал сознавать, что в облике Чёрного Человека, изрубившего Белайху и дравшегося с Филоном, угадывались черты Кидроана, но он никак не мог поверить, что обычный ард-охотник преобразился в такое чудовище.

Впрочем, он же был с ведьмой…Кто знает, что ещё ей под силу, какие чары она могла наложить на всех них?

И кто знает, не околдовала ли она самого Эриноем той памятной ночью? Ведь даже теперь, когда он боялся Алайи больше всего на свете, она не шла у него из головы и не давала получить от других женщин того, что, как прежде считал копьеносец, он отлично умел получать…

Да чтоб ей провалиться в ад, откуда она явилась! Возможно, уехать в Сет-Ликею – не такая уж плохая мысль. Да, там война, там придётся снова переносить все тяготы походной жизни и рисковать шкурой, даже крепко рисковать, если правду говорят о том, какую силищу собрали южане.

Зато он окажется ещё дальше от Западного кряжа. Что бы ведьма там ни искала – пускай остаётся со своим Хорсой, или Чёрным Чёловеком, и со всем, что могло ей понравиться среди мёртвых серых скал!

С такими мыслями встретил Эриной ночь – усталый, полупьяный, злой на всё и на всех, и уже почти с нетерпением ждущий, когда наконец вернутся разведчики и можно будет отправляться в путь.

Ночью ему приснилась Алайя. Она смеялась над ним, и мороз пробирал от её смеха. Пробудившись, Эриной с тоской подумал, что, быть может, ему ещё придётся повстречаться с этой проклятой девкой.

***

Среди холмов и низин Сет-Ликеи, в самом сердце этой всеми позабытой страны шли навстречу друг друга два войска.

Как далеко отсюда, под Мигартой, Эвхилион, так в царской ставке Нисий проводил часы над картой, изредка отвлекаясь, чтобы выслушать донесения разведчиков.

Старику это бдение давалось с трудом. Спина настойчиво требовала отдыха, плечи ныли и горели огнём, поясница грозила сломаться. Время от времени Нисий потягивался, и под сводами царского шатра раздавался хруст его суставов.

– Ты совсем себя не бережёшь, – сказал ему Эттерин.

Сам государь тоже был бледен, однако держался молодцевато. Каждодневные уроки Нисия не проходили даром, никто не мог заподозрить, какие сомнения одолевают царя.

– Мне незачем себя беречь. Как бы то ни было, это моя последняя война. Я уже слишком стар, и моя единственная забота теперь – оставить тебе весь свой опыт и сплочённую державу.

– Я бесконечно ценю тебя, Нисий, но… – Эттерин вздохнул и уже привычно оглянулся, чтобы убедиться, что в шатре никого больше нет, – но нужно сказать, что либо ты плохой учитель, либо я плохой ученик. Я изучил под твоим руководством все великие битвы гипарейских и колхидорских полководцев, но до сих пор ничего не понимаю в тактике боя. Я могу перечислить все причины, которые привели к победе или поражению в том или ином сражении, но не в состоянии представить, что следует делать сейчас.

Нисий помедлил, а потом развернул карту к царю и пригласил его сесть напротив.

– Я умер, – сказал он. – Или преисполнился презрения к тебе и отказался помогать. Войска твои. Бегство невозможно. Твои действия?

– А почему бегство невозможно? – поинтересовался царь.

– Потому что в этом случае я убью тебя.

Эттерин на минуту растерялся: ему не удалось прочитать по холодным глазам Нисия, шутка ли это. Наконец он решил, что всё-таки шутка.

Следует признать, что в этом случае он отнюдь не блеснул сообразительностью. Однако же расслабился и поглядел на карту трезво.

– Что ж… Предлагаешь мне составить план сражения без малейшей подсказки?

– И даже без малейшей поправки. Мы на самом деле выполним твой план, каким бы он ни был.

Эттерин вздрогнул.

– Я не смогу! Нет, так не годится – любая моя ошибка может стоить жизни тысячам воинов…

– Любая твоя ошибка может привести к гибели всего царства. И тем не менее, мы сделаем это. Я уже не раз говорил про свой возраст, и поверь, вовсе не из старческого кокетства. Что ты будешь делать, если я умру нынче ночью, во сне? Подумай, прежде чем ответить, – поспешил он прибавить, опасаясь, что услышит в ответ: «Сдамся».

Царь нахмурился и склонился над картой, подперев голову руками.

– Сведения о численности войск точны?

– Теперь уже точны. Тридцать четыре тысячи врагов – двадцать две манфалитов и шестнадцать тимениан – против наших тринадцати тысяч. Шесть тысяч врагов уже разгромлены под Мигартой. Но семь тысяч тимениан и три – манфалитов, которые готовились пройти к Ликенам через Мигенскую долину, теперь спешат с юго-запада на соединение с главными силами, и будут здесь через три дня. Кроме того, на юго-востоке тименианский стратег Гифесил сумел оторваться от Теммианора, в этом уже нет сомнений. Значит, ещё три тысячи врагов грозят нам. Зато и Теммианор обещает поспеть сюда завтра – он движется параллельно Гефисилу.

– Рассчитывать на его войско сложно…

– И тем не менее, это будет хоть какое-то подкрепление, способное, во всяком случае… Впрочем, я больше не говорю ни слова, – оборвал себя Нисий.

– Способное быстро передвигаться и нарушать сообщение частей противника, – закончил за него царь. – Но от этого нам мало пользы, поскольку южане идут слитным корпусом. – Он помедлил, водя пальцем по карте. – Местность не даёт ни малейшей возможности зажать врага в тисках. Нет достаточных сил, чтобы потрепать его в походе. В кавалерии мы равны, и если

конные отряды совершат налёт, предположим, на середину походной колонны южан… вот в этом месте, например, подобное возможно… Мы рискуем потерять всю кавалерию, а успех крайне сомнителен. Даже в лучшем случае это будет сродни комариному укусу.

– Не мы, – напомнил Нисий. – Не *мы* рискуем. *Ты*.

– Я, – печально согласился царь. – Что ещё? Чтобы малыми силами победить превосходящего в численности противника, у великих полководцев всегда находится удобное место для обороны, или для того, чтобы спрятать засадный полк – здесь ничего такого нет. Просто некуда заманивать врага ни обманным маршем, ни ложным отступлением…

Нисий кивал и уже начинал скучать, слушая бесконечное перечисление причин, по которым одержать победу не представлялось возможным.

– Я просто не знаю, что ещё сказать. Атаковать самим? Принять бой в поле?

Нисий развёл руками.

– Думай, царь! Меня больше нет рядом.

Эттерин взъерошил волосы.

– Ладно, начну перебирать всё по порядку. Итак, если мы… если я приму открытый бой, южане развернутся в обычный порядок и станут теснить нас… меня широким фронтом, держа наготове ударные отряды на каждом фланге и в центре, чтобы развить успех там, где им удастся сломать наши ряды. Если же мы будем держаться, нас постепенно обойдут с флангов и возьмут в окружение. Это верная смерть. Дальше – имеет ли смысл оборонять лагерь? На первый взгляд, это единственное, что может дать нам преимущество…

– Во имя богов Ордона, государь, почему ты не задашь себе самого главного вопроса, с которого нужно начинать любые размышления: чего от тебя ждут враги? – не выдержал Нисий.

– Ну, они ведь не глупцы, правда? – осторожно уточнил царь. – Значит, должны учитывать все те же возможности… С их перевесом в силе… – Он вдруг замолчал и улыбнулся. – Я понял, Нисий. Ну конечно – я должен подсказать им, чего от меня ждать. А потом обмануть…

– Хвала богам Ордона, ты хотя бы нащупал верный путь.

– Нисий, почему ты обращаешься к старым ликейским богам? Ведь сам всегда говорил, что в государстве должна быть только одна ведущая религия, и вера в Солнце среди всех самая разумная?

Старик поморщился.

– Во-первых, ты неправильно запомнил мои слова. Не самая разумная, а самая полезная для укрепления трона. Во-вторых, это не значит, что прочие исповедания нужно запретить. А в-третьих, ты ещё не составил плана сражения, от которого зависит судьба твоей державы, и вместо того, чтобы думать, придираешься к словам никчемного старика.

– Зачем ты говоришь так про себя? – воскликнул Эттерин почти в ужасе. – Ведь знаешь, как я тебя ценю!

– Ценил – когда я давал советы, – гнул свою линию Нисий. – Но теперь меня здесь нет. Вся ответственность на тебе. Так что не отвлекайся. Думай, царь, думай!

Царь улыбнулся. Он был совсем не глуп и прекрасно понимал, что без Нисия не стоил ломаного гроша. Не будь этого беспокойного старика, он вёл бы совсем другую жизнь, глупую, весёлую и уютную – ровно такую, какую подразумевал богатый дворец.

Он был бы, наверное, доволен собой. Не страдал бы, во всяком случае, от чувства раздвоенности, не ощущал себя скульптурой, которую узловатыми пальцами лепит по своему разумению, нимало не считаясь с мнением самого государя, мудрый и воинственный Нисий.

И мышцы лица не уставали бы от необходимости постоянно поддерживать выражение, скопированное со статуй великого Искиромака.

Да, он был бы по-своему счастлив… Только очень недолго.

Воистину, Эттерин не был глуп. Он понимал, что такого царя, каким он видел себя в глубине души, очень быстро лишают власти, а нередко и жизни.

Многое в Ликее было устроено плохо, но, по крайней мере, Ликея ещё стояла, кровь не струилась по её земле, и сады не сгорали в пламени войн – только потому, что за спиной неглупого, но слабовольного Эттерина стоял несгибаемый Нисий.

Солнце поднималось всё выше, в шатре становилось душно. Тридцатитрёхлетний царь вытер лицо, жестом попросил Нисия наполнить чаши и согнулся над картой.

– Итак, оборонительная позиция – единственное, что позволяет войску, уступающему в числе, хоть как-то уравнять силы. Из этого и будем исходить.

Царь на холме

По крутому склону к венчавшему холм кольцу повозок поднимались ещё десятка три человек. Эриной узнал по доспехам бойцов царской стражи. Что ж, туда кого попало не берут… Но что такое тридцать лишних клинков?

– Будь я проклят, если понимаю, что тут делается, – пробормотал он.

Нужно было промолчать: оказалось, за спиной стоял Гифрат, и отлично его расслышал.

– Могу объяснить: мы все тут исполняем свой долг. Ты ведь знаешь, что такое воинский долг?

– Так точно, господин всадник! – браво ответил Эриной с деревянным выражением лица.

– Вот и хорошо, а то у меня возникли некоторые сомнения, – негромко сказал Гифрат. – Конечно, всё это имеет уже мало значения, ведь мы больше не стражники, а солдаты. И тот гемандец уверял, что ты отлично сражался под стенами Мигарты… Однако не думай, что я забуду твою «поездку в имение».

– Не понимаю, о чём ты говоришь, господин всадник.

– Так я растолкую: ты сел в лужу под Южной стеной и поехал опускать концы в воду. Это понятно всякому благоразумному человеку. Захотел соврать – пожалуйста, но зачем нужно было выдумывать шпионов? Простой копьеносец, значит, их толпами ловит, а предводитель городской стражи понятия не имеет о врагах под боком?

– Я учту это на будущее, – ядовито пообещал Эриной.

– И прекрасно. А сейчас учти вот что: мы поставлены здесь, на холме, во исполнение воли царя Эттерина. И я очень надеюсь, что твоё замечание не означает сомнения в его мудрости.

– Никак нет, господин всадник! – гаркнул Эриной.

Царские стражи уже приблизились и прошли за кольцо повозок, которое служило защитникам холма единственным укреплением. Эриной с удивлением заметил, что с ними идут сам государь Эттерин и стратег Нисий, и ещё несколько слуг с шестами и длинными свертками.

Царь осмотрелся.

Холм возвышался в полутора стадиях от Южного тракта. Между ним и дорогой ликейские воины усердно копали рвы и возводили насыпи, укрепляя лагерь.

Тракт убегал вдаль, и у самого горизонта виднелись тёмные пятнышки конных разъездов.

Все знали, что колхидорцы уже близко, в нескольких часах пути отсюда.

Эттерин дал знак, и слуги начали устанавливать шатёр, а один из них развернул и укрепил на макушке холма царский стяг.

– А, мигартский герой? – весело воскликнул Эттерин, заметив Эриноя. – Хорошо, что ты здесь. На этом холме мне нужны самые лучшие воины!

– Рад служить тебе, государь! – отозвался копьеносец.

Когда шатёр был установлен, стражи встали вокруг него кольцом, а царь и стратег скрылись внутри.

– И что это, по-твоему, значит? – тихо спросил Эриной у Гифрата.

Тот поглядел на копьеносца с удивлением – никогда прежде Эриной не обращался к нему без известной доли подобострастия, хотя бы и вынужденного.

Эриной усмехнулся:

– Да брось, господин всадник. Мы с тобой оба смертники, и мы, и все эти две сотни «лучших бойцов». Нам отсюда не уйти. Особенно теперь, когда царь водрузил на холме свой стяг – да половина врагов ринется сюда, надеясь отрубить его венценосную голову. Ты же понимаешь: нас попросту приносят в жертву! И каким образом мы должны «защищать лагерь от бокового удара»? Мы же и пяти минут не продержимся…

– Заткнись, болван, – посоветовал Гифрат. – Мы все это знаем, и все молчим. Потому что мы солдаты, делаем то, что нам прикажут, и делаем так хорошо, как только можем.

Эриной промолчал. Перед ним вновь, как в тот раз, в Ликенах, вороватый предводитель лохоса городской стражи превратился в героического воина, получившего титул всадника не за мзду, а за подвиг.

– Верь в царя, живи для царя и умри за царя! – заключил Гифрат.

– Так и будет, господин всадник, – кивнул Эриной. – Так и будет.

Шатёр остался пуст – не для чего было нести сюда ни лежак, ни сундуки.

– Вот и нашлось подходящее место для боя, – промолвил Нисий. – Стоило только подумать.

– А всё-таки жутковато, – признал Эттерин. – Ты уверен, что ничего не хочешь исправить в моём плане? Он действительно хорош?

Нисий вздохнул и ответил:

– Если говорить со всей прямотой, то это самый паршивый план, о котором я когда-либо слышал.

Лицо государя вытянулось.

– Однако другого у нас нет и быть не может, – закончил Нисий. – Ты придумал единственное, что может подарить надежду. А победим мы или нет – зависит от сотни разных причин. Но на них мы повлиять уже не можем.

– А всё-таки – что в моём плане плохо? Теперь-то скажи!

– Он слишком сложен и требует точного расчёта времени. Это во-первых. Во-вторых, слишком большие надежды приходится возлагать на Теммианора, и именно в этой части план сложнее всего.

– Но ты очень подробно написал Темманору, что он должен делать…

– Он разбойник, а такую задачу должны выполнять самые лучшие войска. Левый фланг решит всё! Я бы сам возглавил его, если бы моё присутствие не требовалось в ударной части войска.

– Ну так выдели отряд для прикрытия фланга! – решил царь. – Пускай Теммианор только поддерживает его. Я понимаю, что на счету каждый солдат, но сила нашего удара будет зависеть не от количества воинов. А левый фланг для нас слишком важен.

– Мудрое замечание, – кивнул Нисий. – Я так и сделаю. Ну что ж, мне пора. Ты твёрдо решил остаться здесь?

– Конечно. Ты ведь понимаешь, что в центре от меня будет мало толку. В любом случае, мне просто может не хватить опыта, чтобы принять верное решение, если обстановка изменится. А солдаты будут смотреть на меня! Нет, моё место здесь. Ты сам сказал: наш успех зависит от сотни мелочей. Правый фланг не менее важен. Я обязан быть тут, чтобы вдохновить солдат. Тогда они будут держаться до последнего. А у тебя, – с улыбкой прибавил Эттерин, – появится лишний повод не медлить и разгромить врага как можно скорее, чтобы не подвергать лишней опасности мою особу.

– И мне не посылать сюда пару лошадей? – уточнил Нисий.

– Ни в коем случае. Чем бы ни кончилось дело, я не побегу.

Старик молча кивнул и, не в силах сдержаться, приобнял Эттерина. После чего, чтобы жест не показался фамильярным, тут же согнулся в поклоне.

– Я принесу тебе победу, государь! – пообещал он.

Они вышли из шатра, и все могли видеть, как царь благословляет стратега и остаётся на холме, рядом со своим стягом.

– Как по-твоему, копьеносец, что это значит? – тихо спросил Гифрат у Эриноя.

Тот отвёл глаза.

– Давай, копьеносец, шевелись, у нас ещё есть работа! – велел Гифрат и пошёл вдоль повозок.

Эриной отдал приказание, и бойцы его малого копья взялись за дело.

Взятые из обоза запасные копья они втыкали в землю позади повозок и набрасывали на них запасные нагрудники и шлемы. Эттерин с улыбкой наблюдал за ними. Нисий не слишком хорошо отозвался об этой идее, но царю захотелось повторить хитрость Лот-Хартуса, о которой рассказал прибывший из Мигарты гонец. Рассмотреть, что за спинами бойцов стоят чучела, враг сможет только вблизи, а издалека у него должно сложиться впечатление, что царь собрал на холме значительную часть своего войска.

Первый в его жизни план битвы всё больше нравился Эттерину. Когда у него наконец заработало воображение, всё оказалось не так уж сложно. Если враг превосходит числом – надо создать такие условия, в которых число потеряет значение, и бить его по частям.

Южане ожидают, что с малым войском Эттерин замкнётся в обороне – что ж, вот укреплённый лагерь, угрожающий продвижению по тракту. Большое войско может совершить обход и атаковать лагерь сразу со всех сторон – вот и холм, который прикрывает фланг. Пройти между холмом и лагерем можно только под ливнем стрел. Обходить ещё и холм – слишком долго, к тому же, колхидорцы не могут быть уверены, что на такой случай Эттерин не разместил где-нибудь летучий отряд.

А ко всему прочему, на холме стоит царский шатёр, и сам повелитель Ликеи на виду. У колхидорцев просто не остаётся выбора – со своим огромным войском они обязательно разобьют армию на две основные части и поведут одновременно две атаки: на лагерь и на холм.

Останется ещё тракт на левом фланге ликеян. Конечно, колхидорцы попробуют обложить лагерь со всех сторон, и скорее всего, это будет делать лохос тименианина Гефисила, который сейчас приближается с юго-востока. Теммианор идёт чуть в стороне от него, и ему ещё вчера отправлен приказ любой ценой не отстать от Гефисила и ударить по нему на тракте.

Гонец уже вернулся и принёс ответ Теммианора, уверяющего, что выполнит приказ. Однако тут Нисий прав: для наместника Сет-Ликеи, а по сути, всё-таки разбойника, задача слишком сложна. Вряд ли он даже сумеет разбить Гефисила, но достаточно того, что свяжет боем и не позволит ударить по левому флангу, от которого зависит исход битвы.

Зато в том, что Нисий одержит победу, Эттерин не сомневался ни на миг. Этот старик сам стоит целого войска!

Он прошёл вдоль повозок, переговариваясь то с одним, то с другим солдатом, даже сумел пару раз пошутить. Странно он себя чувствовал: и вдохновлённым, и испуганным одновременно. Чтобы не давать волю чувствам, он прибег к своему обычному приёму: вообразил себя актёром, исполняющим роль. Текст вызубрен, и нужно только следить за тем, чтобы вести себя на сцене так, как от тебя ждут.

Это всегда помогало ему: и на советах с высшими сановниками, и на встречах с иноземными послами. Помогло и теперь. Как хороший актёр чувствует настроение публики, так и царь всей кожей ощущал восхищённые взгляды солдат. Теперь уже никто не думал о том, что бойцов на холме катастрофически мало. Зато с ними сам государь, бодрый и уверенный в победе!

***

Действительно, даже мрачное настроение Эриноя было поколеблено. Однако и в хорошее оно не обратилось.

В Мигарте копьеносец начал мечтать о том, чтобы оказаться как можно дальше от Западного кряжа. И вот – домечтался!

Расстояние от того проклятого лабиринта, в котором нашли смерть его спутники, до холма близ Южного тракта измерялось не только в тысячах стадиев.

Здесь, перед лицом почти втрое превосходящего противника, ведьма наконец-то ушла из его головы. Теперь уже и хотелось бы подумать о чём-нибудь, кроме битвы, да не удавалось.

Присутствие царя, конечно, рождало некоторые надежды, и всё же сердце его замерло, когда он различил движение на Южном тракте.

Сначала вражеское войско казалось просто несколькими чёрточками на горизонте. Колонны появлялись из-за возвышенности, ныряли в ложбину, вновь возникали в поле зрения, чтобы исчезнуть за купой деревьев… Но вот уже стали ясно различимы манфалийские зубры на щитах передового лохоса, а поток южан всё не иссякал.

То тут, то там мелькали кавалерийские разъезды, но до стычек не доходило. Разведчики колхидорцев уже давно рассмотрели всё, что им было нужно, и только хотели убедиться, что ликеяне не сменили позиции, не выслали в сторону засадный отряд. Северяне им в этом не препятствовали и не стремились рисковать собой попусту.

Достаточно было посмотреть, как тяжеловооружённые манфалиты передового лохоса перестраиваются на марше, чтобы убедиться: это бывалые воины. Они встали стеной, прикрывая место развёртывания основного войска. Конники собрались на флангах. Остальные лохосы, подходя, без спешки выстраивались в боевые порядки.

Похоже, план сражения у колхидорцев был готов. Эриной мрачно усмехнулся: что же тут сложного? При своих силах они попросту раздавят оба укрепления по отдельности!

Он перевёл взгляд на восток. Оттуда вот-вот нагрянет тименианин Гефисил. Теммианору не удержать его, и копьеносец Эриной нисколько не удивится, если господин наместник Сет-Ликеи вовсе не поспеет к битве. Чего ждать от этого ублюдка? Говорят, в нём перемешалась кровь коренных ликеян, тех же манфалитов, ардов, калетов и прочей мрази…

«Мы – ликеяне!» Как же… Царь, видно, хватается за соломинки, раз вынужден внушать солдатам такую чепуху.

Однако имя Гефисила известно. Служа в городской страже, Эриной не проявлял большого внимания к разговорам на военные темы, и всё-таки слышал, что этого тименианина считают сильным стратегом. Даже странно было узнать, что он взялся воевать с Теммианором.

Впрочем, странность эта только кажущаяся. Если поразмыслить, Теммианор – не просто вожак разбойной ватаги. Он – единственная власть в Сет-Ликее. Взять его значило бы получить ключ ко всем тропам и припасам края. Кроме того, оставаясь в тылу, он серьёзно угрожал колхидорской армии. Гефисил не мог оставить его без внимания, и если бросил борьбу с наместником Сет-Ликеи, то лишь потому, что судьбу войны стало возможным решить в одном сражении.

Говорят, Теммианор не отстаёт и в нужную минуту помешает Гефисилу ударить во фланг ликеянам. Но Эриной гроша бы не поставил на ублюдка.

Между тем колхидорская армия наконец подтянулась и выстроилась сплошной линией. Эриной видел, с каким волнением наблюдает за южанами царь. Кажется, что-то уже идёт не так…

Впрочем, Эттерин сумел взять себя в руки и даже улыбнулся. Только Эриной и на эту улыбку не стал бы ставить своего гроша.

Время шло, солнце перевалило за полдень. В ликейском лагере начали разносить обед. На холм поднялись рабы с горячей едой и сушёными фруктами. Порции были невелики, чтобы солдатам не затяжелеть перед боем, зато отлично разрядили напряжение. Бойцы перешучивались, царь снова прошёл вдоль укреплений.

Но вот веселье испарилось: из складок холмов на востоке вынырнули колонны Гефисила.

– Ну наконец-то! – воскликнул Эттерин. – Я уже начал беспокоиться за прославленного тименианского волка: не заблудился ли он?

Эриной сделал вид, что шутка понравилась ему так же, как остальным. Кое-кто высказал и другие предположения, что могло задержать Гефисила в пути, в том числе и скабрезные. Эттерин посмеялся со всеми, но потом посерьёзнел:

– Не нужно отказывать в достоинстве противнику, который этого заслуживает! Оскорбляя его, мы оскорбим и себя, как бы сказав, что нам по силам только ничтожный враг. Нет, все эти южане – славные воины, и победить их будет совсем не просто. Но тем больше будет наша слава, когда мы это сделаем!

Гефисил приближался, и колхидорцы зашевелились, подтягивая ряды. Передовой лохос сгруппировался на левом фланге, около тракта, построившись на дюжину рядов в глубину. Эриной вытер об одежду вспотевшие руки. Скоро начнётся!

Похоже, Гефисил отлично представлял себе обстановку и собирался нанести удар прямо с марша. Его отряды сливались и на ходу выстраивались в фалангу. Это было жуткое и завораживающее зрелище.

Основная армия южан двинулась вперёд медленным шагом. Щит к щиту, над шлемами – частокол копий. По центру полоскалось знамя с наклонившим рога зубром, а справа колыхалась на ветру тименианская волчица, защищающая щенков.

И, конечно, никакого Теммианора не было видно.

***

Нисий отдал приказ, и пятьсот тяжёлых пехотинцев под командой всадника Ликиаса вышли из лагеря на тракт, перегораживая дорогу бойцам Гефисила.

«Старею», – подумал стратег. Он до конца был уверен, что Теммианор придёт. Этот разбойник умён и выдержан, но по натуре задирист, и трудно было представить, как он откажется от хорошей драки, где можно покрыть себя славой, ещё более упрочив своё положение. Тем более, от победы южан он в лучшем случае ничего не выигрывал, а в худшем – сильно рисковал.

Может быть, Гефисил разгромил наместника Сет-Ликеи в дороге?

Возможно. Но возможно и то, что Теммианор просто струсил.

Что ж, тем более уместен совет государя. Нисий поймал себя на том, что улыбается, думая о своём воспитаннике. Из парня выйдет толк! По правде говоря, называть его «парнем», конечно, было поздновато. Эттерину давно следовало взяться за ум. Но лучше поздно, чем никогда.

Нисий не покривил душой, когда высказался о плане, который составил царь. Задача предстояла сложнейшая, и слишком многое могло зависеть от случайностей. Но это и правда было единственное возможное решение…

Старый стратег выпрямился в седле, пристально наблюдая за движением вражеской армии. По его лицу никто не смог бы догадаться, какая буря кипит в его душе. Южане должны клюнуть на приманку! Должны, но пока вели себя так, словно холм их совершенно не интересует.

Нисий глянул влево и подумал, что, может быть, колхидорцы соразмеряют своё продвижение с Гефисилом – хотят, чтобы прославленный тименианин начал битву и загнал пять противостоящих ему сотен обратно в лагерь.

Да, наверное, дело в этом…

Но, по имя всех богов, как же медленно они идут!

На Нисия смотрели с ожиданием. Каждый командир был посвящён в свою часть плана, все ждали, когда стратег прикажет действовать. Но было ещё рано…

Наконец Нисий вздохнул с облегчением. Гефисил должен был обрушиться на Ликиаса через минуту, между армией южан и линией лагерных укреплений оставалось ещё полтора стадия, когда их войско разбилось на две группы. Показывая отличную выучку, лохосы, не теряя строя, разошлись.

Нисий не позволил себе улыбнуться, но в душе он ликовал. Как он и рассчитывал, на царский стяг нацелилась половина вражеской армии. Семнадцать тысяч – и столько же продолжает движение к лагерю.

– Господин стратег, не пора ли… – сунулся к нему один из лохаргов.

– Не пора! – оборвал он. – Стоять наготове, ждать!

Лицо его было каменно неподвижно, а голос божественно холоден. Казалось, он готов без раздумий предать смерти любого, кто может помешать исполнению его замыслов. В сущности, стратеги и лохарги, подумавшие об этом, были недалеки от истины…

Между тем в сердце Нисия отнюдь не было той невозмутимости, какую он старался показать. Враги разделились, но позже, чем он рассчитывал. Из-за этого всё может обернуться очень, очень плохо!

Слева грянули воинственные крики, земля дрогнула от топота ног. Три тысячи Гефисила перешли на бег и врезались в пехотинцев Ликиаса. Среди командиров послышался ропот, но Нисий даже не повернул головы. Ликиас был его учеником и предводительствовал одним из самых хорошо обученных лохосов. Его парни знают свою работу, и вооружение у них отличное. Гефисила ждёт неприятный сюрприз, если он рассчитывает смять их одним решительным натиском.

Глаза Нисия метались между группами основной армии южан. Правая достигла подножия холма, но ещё не начала подъём. Левая, нацеленная на лагерь, была уже менее чем в одном стадии.

– Лучники! – крикнул Нисий. – Навесом по врагу – бей!

В воздух взвились шесть тысяч стрел, и снова шесть тысяч, и снова. Колхидорцы подняли щиты и слегка замедлили шаг. Совсем чуть-чуть, и всё-таки…

Группа, атаковавшая холм, тоже подвергалась обстрелу. Перед боем Нисий велел сообщить каждому воину, что в этом бою все стрелы, какие есть в обозе, должны улететь во врага. Луки раздавали даже не самым лучшим стрелкам. Если это сражение будет проиграно, запас уже никому не принесёт пользы.

Между фалангами колхидорцев и лагерем оставалось шагов сто пятьдесят. На бег они перейдут за полсотни. Делать это раньше неразумно…

Враг ответил навесной стрельбой из-за спин фаланги, но южане делали ставку на рукопашный бой, и лучников у них было всего несколько сотен. Ликеяне тоже подняли щиты. Кое-где раздались крики раненых, но заметной пользы перестрелка колхидорцам не принесла.

Сто тридцать шагов, сто двадцать…

– Ликеяне – вперёд! – крикнул Нисий и махнул рукой.

– Вперёд! В атаку! – подхватили лохарги. – Держать строй!

Наверняка колхидорцы успели понять, что им грозит. Но сделать уже ничего не могли, даже если бы сумели придумать достойный ответ. В любом случае им пришлось бы нарушить строй, а значит, сделать все семнадцать тысяч лёгкой добычей северян.

Ликеяне наступали не сплошным фронтом, а уступами. Первыми, бросая наземь луки, лагерь покинули солдаты левого фланга. Отборная пехота, ветераны Тиртских походов, не уступающие выучкой отряду Ликиаса, они двигалась колонной. Манфалиты, тот самый передовой отряд, так красиво прикрывавший развёртывание войск, наступали глубокой фалангой, но двенадцать рядов – это ничто перед кинжальным ударом колонны.

Затем вышел центр, обычная регулярная пехота, и только потом – правый фланг, ополчение. На стыке левого фланга и центра плотной группой двигались бойцы царской стражи под командованием Демоакла. Там, где вражеский строй неизбежно рассыплется, их навыки будут незаменимы.

Отряды Феодока и Проклетия поддерживали ударную колонну. Бывшие стражники, они тоже должны хорошо себя показать, когда ряды смешаются.

Колхидорцы, атаковавшие холм, уже не могли отвернуть. Они всё ещё были уверены, что вокруг царского стяга собрано немалое войско, и не рисковали повернуться к нему спиной. Они поймут ошибку скоро, как только доберутся до укреплений, но будет поздно…

Правый фланг ликеян ещё только вышел из лагеря, а левый уже врубился в манфалитов и в минуту расколол их строй.

Нисий наконец улыбнулся.

Атака уступами, или косой фалангой, дело рискованное, и уж конечно, никто не мог ждать такого шага от ликеян, которым именно слева угрожал Гефисил. Однако Ликиас пока держался, и даже если бы его обошли, ударную колонну защищали вчерашние стражники Феодока и Проклетия.

Нисий, сопровождаемый Антохеном с его тридцатью телохранителями и группой гонцов, послал коня вперёд. Стратегу нельзя отрываться от войска, чтобы не терять драгоценные минуты при передаче приказа. Впрочем, пока что новых приказов не требовалось. Битва развивалась именно так, как следовало по плану Эттерина.

Имея меньше воинов, чем враг, ликеяне создали преимущество на небольшом, но самом важном в данный момент участке фронта.

Ударная колонна разбила фланговый отряд южан. Бойцы Феодока и Проклетия действительно отлично себя показали, стремительно рассеивая дрогнувшего противника.

Однако Нисий понимал, что радоваться ещё рано. Сейчас ликеяне находились под угрозой окружения. Центр держался, но ополченцам справа приходилось туго, и Гефисил мог в любое мгновение смять Ликиаса – и уж можно поручиться, он готов сейчас руку отдать, чтобы сделать это. Резерва для того, чтобы прикрыться слева, у Нисия не было – эта роль отводилась Теммианору.

Тем не менее, старый стратег успешно сохранял вид полного спокойствия. Колонна левого фланга развернулась на вражеский центр, превратившись в глубокую фалангу. «Боги Ордона, пусть Ликиас продержится ещё хоть несколько минут!» – взмолился Нисий.

Впрочем, богам Ордона молятся и колхидорцы…

– Приказ Феодоку, – распорядился стратег. – Занять положение позади ударной колонны левого фланга и защищать её тыл от Гефисила.

Было бы намного лучше направить туда конников, но все они были собраны позади ополченцев правого фланга – самой слабой части войска.

И правильно! На холме уже вовсю кипела битва, колхидорцы поняли, что обмануты обычными чучелами, и почти половина отряда покатилась по склону вниз, чтобы сокрушить ополченцев. По ним-то и ударили конники.

Минуты, минуты… Эттерин, держись! Ликиас, держись! Ополченцы, держитесь! Колонна левого фланга уже начала сминать центральные построения южан.

***

Эриной, вместе с другими, напрягая мускулы, навалился на повозку и перевалил её через вражеские трупы. Один из солдат бросил факел. Облитая маслом повозка покатилась вниз, сбивая и калеча тимениан, однако вскоре перевернулась и превратилась в один из десятков костров, опоясывающих вершину холма.

Беречь укрепления было уже незачем. Врагов всё равно оставалось слишком много, никак они не кончались… Сброшенные повозки хотя бы немного замедляли их продвижение и не позволяли наброситься на защитников всем скопом.

Рослый тименианин возник как будто из-под земли. Другой солдат отразил его меч, прикрывая Эриноя, и тот заколол врага. Благодарить было некогда: огибая горящую повозку, на холм уже поднимались новые и новые десятки.

Эриной поправил изрубленный щит на руке и бросился навстречу. Отбил направленное ему в лицо копьё, опрокинул неприятеля пинком, закрылся от удара слева, рубанул сам.

Справа солдат, который только что спас ему жизнь, рухнул, пронзённый копьём. Эриной дотянулся до его убийцы и полоснул клинком по руке.

На щит обрушился страшный удар. Копьеносец едва не упал. Тут же подался назад, машинально избегая коварного удара по ногам. Как ни старайся, а отступить придётся. Враги всё не кончались, не кончались…

Ещё один солдат погиб рядом. Рука, держащая меч, немела. Эриной с удивлением увидел глубокий порез, перечеркнувший бицепс. Кто-то едва не разрубил ему плечо – интересно, когда это случилось? Он не заметил.

Уклонившись от ещё одного удара копьём, он пнул противника в щит и, когда тот упал, вклинившись между двумя тименианами, одного толкнул своим щитом, а в другого вонзил меч. Для рубящего удара, кажется, не осталось сил.

Другой солдат, с проседью в бороде, попытался поддержать рывок Эриноя, но копьеносец вновь почувствовал, что кто-то нацелился нанести ему смертельный удар, и отступил. Бородач остался один и погиб.

Жалеть его было некогда – враги всё напирали и напирали, а защитников холма было уже слишком мало, чтобы сменять уставших бойцов первой линии.

Следующий противник Эриною достался особенно проворный. Он теснил копьеносца, пока тот не ткнулся во что-то спиной. Это оказалось одно из дурацких чучел, благодаря которым холм подвергся такой мощной атаке.

Эриной поспешил отгородиться чучелом от противника и тут же пнул вбитое в землю древко, чтобы опрокинуть его на врага. Воспользовавшись мгновенной заминкой тименианина, нанёс ему укол в шею. И опять был принуждён отступить – теперь на него навалились сразу двое.

«Это конец», – мелькнула в голове подлая мысль.

Эриной почувствовал, что у него больше нет сил. Принял очередной удар на щит – и рухнул на колено, сознавая, что уже нипочём не сумеет подняться.

Внезапно кто-то пришёл ему на помощь. Длинный клинок сверкнул в лучах солнца, подрубив ноги одному тименианину и оттеснив другого. Как это возможно, ведь позади уже никого не оставалось?

Эриной оглянулся. Ах да, конечно. Позади оставался ещё царь.

Красавец Эттерин стоял над ним и улыбался самой глупой улыбкой, которую копьеносец когда-либо видел в жизни. Эх, как он доволен собой! Почти все, кто его защищал, уже погибли, а он стоял у своего шатра, и с ним стояли его охранники – стояли, смотрели, как гибнут ликеяне один за другим, и соизволили прийти на помощь, только когда понадобилось закрыть прорыв!

В глубине души Эриной понимал, что сердится несправедливо. Именно так и должна вести себя царская охрана. Но слишком силён был пережитый страх…

– Вставай, герой Мигарты! – позвал его царь. – Победа близка!

Эриной кое-как поднялся на ноги. Первое, что он увидел, – южане ослабили натиск на верхушку холма. Царская стража знала своё дело и отбросила врагов, уже готовых торжествовать. Но кроме этого Эриной долго не мог увидеть ничего особенного, пока сам Эттерин не прокричал, перекрывая гром битвы:

– Держитесь, ликеяне! К нам идёт подмога!

Только проследив за взглядом царя, копьеносец увидел, что происходит на другом конце поля боя.

Там появились бойцы Теммианора! Спутать их с кем-то было невозможно, даже если ни разу не видел: никто больше не носил таких пёстрых облачений. Сразу видно разбойную натуру…

Впрочем, о разбойной натуре Эриной думал с улыбкой и даже обещал себе расцеловать после боя первого сет-ликейского бандита, которого встретит.

Впрочем, восторг его был недолгим. Теммианор ещё только шёл на помощь левому флангу, собираясь преградить дорогу лохосу Гефисила, который как раз в эту минуту растоптал бойцов Ликиаса. Вражеский центр уже сломался, но на правом фланге ополченцы не выдержали натиска, начали отступать, а конница увязла в бою с пешими южанами, и, если ополченцы побегут, оно обречена. А главное – на склонах холма и прямо под ним ещё оставались колхидорские силы, самое меньшее, равные по числу ликейским!

Эриной никогда не претендовал на звание стратега, но даже ему было видно, насколько шатко сейчас положение ликеян, и весёлая улыбка царя его злила.

Эттерин протянул ему руку и помог встать.

– Соберись, герой, осталось немного! – подбодрил он и, к удивлению копьеносца, ринулся в бой.

Со своим длинным мечом он управлялся великолепно. Проворный, как кошка, он бился, держа рукоять обеими руками. Щит его висел на спине – царь не нуждался в щите, пока рядом оставался хоть один из его телохранителей.

Колхидорцы, отброшенные с вершины в минуту заминки, снова усилили натиск, но ни обойти Эттерина, ни сдвинуть его с места им никак не удавалось. Вокруг государя сплотились и прочие воины, усталые, окровавленные, но полные решимости драться до смерти.

«Я должен быть с ними», – сказал себе Эриной.

Однако ноги почему-то сделали шаг не вперёд, а назад.

«Меня уже половина армии знает как героя Мигарты. Когда станет ясно, что меня нет среди трупов…»

Ещё один шаг – и снова назад.

«Я не смогу вернуться в Ликены…»

Ноги не собирались слушаться головы. Каждый новый шаг давался им всё легче. Эриной осмотрелся. Западный склон холма был чист. Ни души! Никто не увидит – и хорошо, потом они сами придумают, как герой Мигарты нашёл славную смерть и был изрублен на куски, так что его уже невозможно было опознать…

Куда делась усталость? Эриной бросил меч в ножны, закинул щит за спину и пустился наутёк.

***

Телохранители вовремя заметили, что Эттерин начал задыхаться, и сомкнулись вокруг него, давая ему минуту передышки. Царь был им благодарен, но вместе с тем и раздражён этой заботой. Время ли сейчас отдыхать? Он должен оставаться впереди, вдохновляя солдат своим примером!

И потом, в голову тотчас полезли ненужные мысли. Учителя всегда говорили ему, что в бою нужно отречься от всего, и он соглашался, и старался достичь этого состояния в долгие часы упражнений, однако так и не преуспел.

Вот и сейчас, стоило остановиться, само собой подумалось неуместно-возвышенное: «Это путь в вечность».

Да, именно так он переживал нынешний день – как твёрдый шаг по дороге в вечность. Нынешняя победа составит ему славу, принесёт уважение подданных. Он наконец-то перестанет быть просто сыном Искиромака и запомнится грядущим поколениям под собственным именем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.